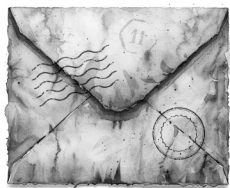

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке
Ломаные линии судьбы
Новые райские кущи

Татьяна
АЛЮШИНА

Любовь без права
на ошибку

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каитыкиной*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Nataliia Pavliuk, talloshau, aleksa__ch, Katerina Arts,
Merfin, Tonia Tkach / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 **Любовь без права на ошибку: [роман] / Татьяна**
на Алюшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202509-9

Василиса не верила в серьезные отношения, так же как и Влад. Оба даже не думали, что смогут полюбить по-настоящему... И все-таки, случайно встретившись, они обрели шанс на счастье.

Но у каждого своя жизнь, свои мечты, свои планы на будущее. И пожертвовать всем этим так непросто!

Им предстоит тяжелое испытание, пройдя через которое они сохранят свою любовь — или навсегда ее потеряют.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202509-9

© Алюшина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

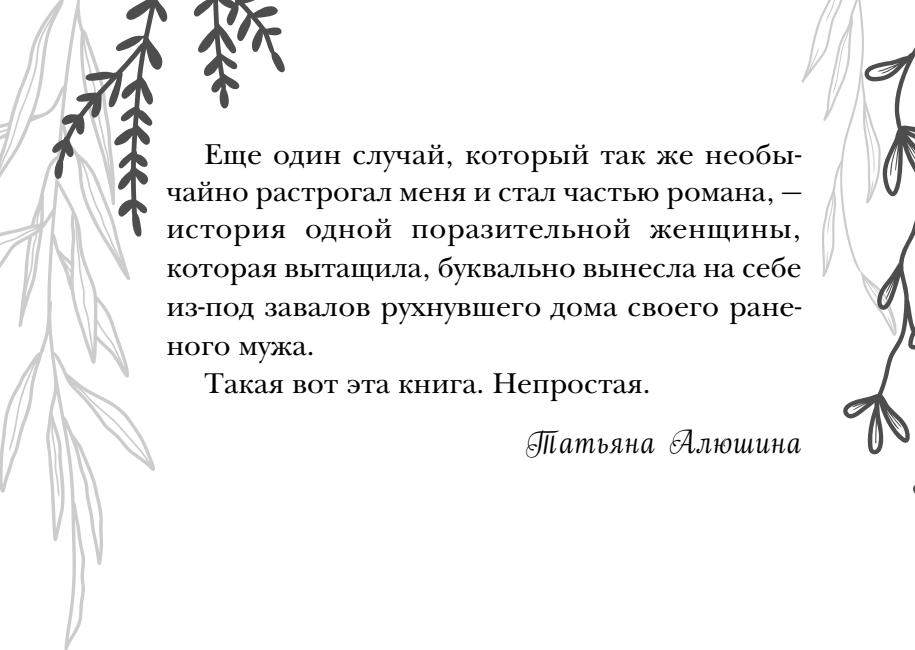

ПРЕДИСЛОВИЕ

На написание этой книги меня вдохновила история двух замечательных, сильных духом женщин.

В ходе карательных операций в годы Великой Отечественной войны фашисты сгоняли сельчан в сараи и сжигали их заживо, но в одной из них двум маленьким девочкам чудом удалось спастись от смерти. Они крепко, по-настоящему дружили и были самыми родными, самыми близкими людьми. Так вышло, что они разобиделись друг на друга, расстались из-за какого-то дрянного мужичишки, обманувшего их обеих, а встретились и соединились вновь лишь спустя долгие десятилетия — благодаря помирившим их внукам.

Еще один случай, который так же необычайно растрогал меня и стал частью романа, — история одной поразительной женщины, которая вытащила, буквально вынесла на себе из-под завалов рухнувшего дома своего раненого мужа.

Такая вот эта книга. Непростая.

Татьяна Алюшина

— Чем дальше в лес, тем чудесатее и чудесатее, — сворачивая на очередной рекомендованный стрелкой и голосом навигатора поворот, поделилась я опасениями. — Уж послала нас бабушка так послала, — осторожно объезжая колдобину на дороге, продолжала я. — Как думаешь, Герцог, какая засада нас ждет впереди?

Вместо ответа меня удостоили высокомерным скептическим взглядом карих глаз. Недвусмысленно выказав таким образом свое отношение ко мне и к обстоятельствам в целом, обладатель волооких очей демонстративно отвернул голову, предпочитая разглядывать пейзажи за окном, чем общаться со столь не достойной его внимания особой.

— Вот никогда от тебя не дождешься поддержки и понимания, — привычно возмутилась, посмотрев ему в затылок. За что была вознаграждена странным звуком — не то мел-

кий чих, не то в высшей степени презрительное хмыканье. — Нет, все-таки ты редкостная скотина!

Скотина на данное замечание никак не отреагировала, так же привычно проигнорировав мое негодование.

Ах да, кстати. Это Герцог. Он же Франкенштейн, он же Жоффрей де Пейрак, в зависимости от моего настроения и степени гневливости на него, и он же Его Высочество. Прошу любить и жаловать!

По божественной задумке, вообще-то пес отряда собачьих, разновидности декоративных мелких пород, в народе презрительно именуемых шавками. И никоим образом не подходящий ни под одно из этих определений.

Видимо, Творец решил поэкспериментировать и смешал в одном флаконе все какие можно декоративные собачьи породы, а получив результат, сам ужаснулся содеянному и, украдкой озираясь по сторонам — не заметил ли кто! — скомкал бумажку и быстренько выкинул на землю от греха подальше. Ну а на грешной кто-то это мутантское чудо подобрал, кое-как разгладил божественный пергамент, и получился данный экземпляр.

Около трех килограммов веса на высоких тонких ножках, с непропорциональной телу большой головой, с огромными, еще более непропорциональными всему остальному ушами, недоприплюснутой до конца мордой — баловалась, видать, прабабка с пекинесом, и по-

лучилось что-то вроде обрезанного передка грузовика в миниатюре. Зато глаза ему достались вообще черт-те от кого — большие, карие, с поволокой, почти человеческие. Создавалось такое впечатление, что морда состоит только из этих глазищ и оскала, над которыми гордым торчком стояли огромные уши в нежной жиденькой опушке непонятного цвета.

С окрасом и растительностью Герцогу тоже не подфартило. Шерсть — так, ни два ни полтора — начиналась от затылка, немного густела на загривке и груди, заметно редела к попе, на коей уже обозначала себя короткой опушкой, и заканчивалась полным позором на коротком хвосте в виде мелкого подшерстка, из которого тянулось несколько длинных волосин, как на голове облысевшего дедка.

С экстерьером тоже... как бы это сказать... не сложилось. Вернее, сложилось, но уж больно причудливо. Голову Герцог всегда держал гордо вскинутой, как лев — царь зверей, честное слово! Вообще, перед впечатлял высокомерной статью, а вот задок оплошал — то ли вследствие травмы, то ли от рождения, но скобочило задние лапы, и тощую, почти лысую попку, больше похожую на дулю, сильно смахивавшую на эдакий ответ миру на его претензии к данному индивиду, заметно сносило вправо.

Все его тело покрывали следы от ран и укусов, полученных в нелегкой борьбе за выживание. А левое ухо, которое было когда-то почти

оторвано, практически полностью перечеркивал большой белый шрам, не зараставший шерстью, — память о боевом прошлом.

Два года назад я нашла его у подъезда бабушкиного дома: уже открывала подъездную дверь, когда заметила справа на дорожке непонятный предмет — какое-то небольшое животное, скорее всего кошка бездомная, покрытое ранами и кровоподтеками.

Что меня дернуло посмотреть? Ну животное, ну прибила какая-то сволочь людская, походя, от жестокости тупой. А вот потащилась же!

При ближайшем рассмотрении предмет оказался псом. Маленьким замученным псом. Он был жив и в сознании, но не скулил, не пищал, лишь надсадно дышал с хрипом и смотрел на меня абсолютно человеческим, осмысленным взглядом, переполненным укором, болью и гордой непокорностью судьбе. На боку у него был вырван кусок шкуры с мышцами, явно укус большой собаки, левое ухо практически оторвано, из более мелких многочисленных ран сочилась кровь.

Его всерьез потрепали дворняги, но раз не прикончили до конца, значит, он сумел отбиться и убежать! Да так убежать, что и не догнали, и не нашли!

— Сейчас, миленький, потерпи, — пообещала я непонятно чего и мотанула к машине.

Я подогнала свой «крузак» прямехонько под подъезд, как можно ближе, в багажнике

из сумки со спортивной снарягой достала полотенце, вытряхнула кроссовки из пакета, постелила его на переднее пассажирское сиденье и, оставив дверцу распахнутой, поспешила к страдальцу.

Он не скулил, не визжал и не огрызался, когда я с максимальной осторожностью заворачивала его в полотенце и переносила в машину, только вздыхал тяжело, совсем по-людски.

— Потерпи! — попросила я его, заводя машину.

Так, куда его везти? Живность никакую я отродясь не держала, никогда не заводила, не подбирала на улицах и у родителей не выклянчивала. Даже в нежном детстве не мечтала о домашнем питомце или живом зоологическом уголке, имея совершенно иные увлечения и пристрастия.

Я позвонила Жанне, хозяйке клока шерсти на ножках, именуемого Жозеттой, суперпородистой йоркширицы со стервозным характером. Может, по причине мерзкого характера этой сучки она и всплыла первой в моей памяти. Жанна, посочувствовав несчастной собачке, немедленно дала адрес ветеринарной клиники, в которой обслуживали Жозетточку.

Несчастливая собачка, немного отогревшись, дважды попыталась меня укусить, намереваясь подороже продать свою тяжелую жизнь, без какого-либо предупреждения рыком, когда я потрогала ее нос, проверяя, не подохла

ли она вообще, чем вызвала мое глубокое уважение. Боец!

И я наконец ее внимательно рассмотрела, немало подивившись причудливым выкрутам природы, больше смахивавшим на неудавшийся эксперимент сумасшедшего ученого.

— А ты красавчик, — порадовала я песика впечатлением, произведенным на меня его внешностью.

Когда я ввалилась в клинику с требованием скорой медицинской помощи животному, персонал, рассмотрев пострадавшего, грозно потребовал, чтобы я немедленно вынесла ЭТО из их приличного заведения! И пригрозил выдворением моего тела вместе с ношей ротой охранников за пределы их приличного учреждения.

Я как-то не сообразила, что в эту супер-пупер-навороченную клинику возит своих пусиков, мумусиков и люлюсиков весь московский бомонд, вставляя в их зубки бриллиантики и делая пластические подтяжки их жопам.

Нет, нам такая клиника ни за каким хреном не подойдет! Нам нужна нормальная ветлечебница, где действительно спасают и по-настоящему лечат!

— Потерпи еще немного, — попросила я подопечного, быстренько просматривая в смартфоне список ветеринарных заведений.

Ага! Вот это в самый раз! Скорая оперативная помощь, хирургия и даже стационарное лечение! Так, как нам лучше проехать?

Я добралась быстро, минут за сорок. Медсе-стра в приемном отделении, только глянув на животное, вызвала тут же по селектору дежурного врача и быстро проводила меня в приемную комнату хирургии.

Дежурным врачом оказался кряжистый невысокий мужчина лет за пятьдесят, представившийся Алексеем Леонидовичем.

— Где вы нашли такого Франкенштейна? — чуть улыбнулся он, осмотрев пса.

— А где таких находят? — слегка агрессивно ответила я.

— М-да, — протянул доктор и осмотрел на сей раз меня с ног до головы весьма красноречивым взглядом, сделал выводы и с неприкрытой неприязнью спросил: — А вы уверены, что хотите его спасти?

— Я же его привезла. — Я смутно предполагала, к чему он ведет.

— А зачем? — подтверждая мои предположения, в том же тоне, но с новой ноткой брезгливости продолжил врач. — В вашей гламурной тусовке неделя добрых дел? Акция «Поможем бездомным животным» с демонстрацией на камеры телевидения? И месячником обсуждения в клубах: какие мы хорошие девочки?

Понятно. Заценил, значит, мой несравненный девичий образ должным образом. Как говорил герой известного всем фильма в исполнении еще более известного артиста: «Ну, это нормально!» Я вообще на людей произвожу именно такое впечатление, кстати, сей имидж

тусовочной красотули поддерживаю со всяческим тщанием, старательностью и удовольствием.

— Про акцию не слышала, а песика вылечите, пожалуйста...

— ...а вы его потом на улочку назад отпустите, — ерническим тоном закончил он за меня якобы мою мысль.

— Нет, — без дураков, на этот раз нормальным голосом с нажимом пообещала я. — Останется со мной жить, если захочет, конечно.

— Ладно, — после минутного раздумья согласился доктор. — Подождите в коридоре, операция будет долгой, и успех не гарантирую.

Вот так в мою жизнь попал Герцог. Операцию он выдержал. А то как же, с таким-то характером! Его жизненное кредо: если тебя съели, у тебя все равно есть два выхода! И я бы сильно не позавидовала тому, кто таки умудрился бы его сожрать! Эта упертая тварина ни за что не стала бы выходить «в заднюю дверь», и неосмотрительный гурман сдох бы от несварения и заворота кишок! Вот ей-богу!

Он поправлялся долго, попутно пса лечили от многочисленных болезней, приобретенных им в бездомной дворняжьей жизни, ставили все положенные прививки, откармливали. За время, проведенное в стационаре, он стал героем и любимцем всего персонала. Поразительным образом в нем сочетались внешнее уродство и сильный характер благородного бойца, по аналогии с человеком можно ска-

зять: врожденная дворянская гордость и благородство крови.

Не смейтесь. Именно так! Ну и высокомерие – этого так вообще вагон!

Когда я пришла навестить его после операции, что-то там засюсюкала по людской идиотской привычке обращаться таким образом с мелкими представителями животного мира, он так посмотрел на меня... Типа, что тебе, убогое создание, от меня надо? Шла бы ты куда подальше!

– Ну прямо герцог! – возмутилась я такой наглостью.

Вот так он и стал Герцогом.

А молоденькая медсестра, которая ухаживала за послеоперационными подопечными, умиленно и восторженно посверкивая глазками, сказала мне:

– Он похож на Жоффрея де Пейрака. Ну помните, из «Анжелики»? Когда они снова встретились, она считала, что он погиб, а он выжил. Его и на костре жгли, и пытали, он весь в шрамах, хромает, страшный, но гордый и красивый и всех победил!

– Похож, – согласилась я, правда, признаваться, что книжек про Анжелику не читала, не стала.

Кстати, доктор Алексей Леонидович сказал мне, что Герцогу не больше трех лет. Ничего себе жизнь у него была эти три года!

Заштопанного, здорового, прибавившего в весе и привитого Герцога в новом проти-

воблошином ошейнике я перенесла через порог своего дома, поставила на пол и пригласила:

— Ну проходи, обследуй территорию твоего нового места проживания!

Он встряхнулся всем тельцем, одарил меня презрительным взглядом и не спеша пошел обследовать. Я спохватилась, что он сейчас примется мне тут территорию метить. Мама дорогая! Это же дворняга дикая, а я его в свой уютенький домик приволокла!

Метить! Сейчас! Герцог, он и в московских хоромах герцог! Не иначе как упомянутый — как его там? — де Пейрак реинкарнировался в этом создании в той самой своей последней ипостаси: искалеченный, но непобежденный!

По крайней мере, мой Франкенштейнчик вел себя именно так. Он никогда не гадил в доме, не чесал задними лапами за ухом, я ни разу не видела, чтобы он себя вылизывал в причинном месте. Он не делал суетливых движений, не бегал шавочной торопливой трусцой, цокая когтями по полу. Даже если был очень голоден, а я поздно возвращалась с работы, он размеренно-неспешно проходил в кухню, укладывался возле своих мисок и никогда — никогда! — не заглядывал заискивающе мне в лицо, не вилял ластиво и радостно хвостом и ничего не выпрашивал. Вот ни разу!

Он обожает купаться в ванной, ненавидит любой парфюм, при этом от него не воняет псиной, презрительно отвергает любые

консервы и собачьи корма и ест только свежее мясо, видимо, компенсируя все те годы, что пришлось довольствоваться чем ни попадя, любит салатные листья и свежие огурцы и фрукты.

Я его уважаю и не понимаю, как могла жить раньше без него. Он меня терпит, по большей части выражает явное сомнение в моих умственных способностях, категорически не приемлет никаких поводков и ограничения свободы, максимум на что согласился — на ошейник от блох, на который я прикрепила подвеску с его именем и адресом. Он не позволяет почесывать себя за ушами и вообще никаких нежностей, если подхватить его на руки и посюсюкать, можно вполне реально нарваться на предупреждающий боевой оскал. Но если Герцогу хочется понежничать, он приходит сам, никогда не залезает на колени, а укладывается рядом и греет мои ноги своим боком.

Он аристократичен, холодно-презрителен, умен по-человечески, и он вцепится мертвой хваткой в горло любому, кто попытается меня обидеть.

Из детского автомобильного кресла я сделала специально поднятое повыше сиденье с ремнями безопасности для него, которое стоит на пассажирском месте впереди — его законном, исключения не делаются ни для кого, остальные пассажиры ездят теперь в моей машине только сзади.

Вот так мы и живем.

Но что-то я отвлеклась. Я всегда так в дороге — думаю о разном, а если что-то вспоминаю, то как кино просматриваю: красочно, подробно, с деталями. Дорога к этому располагает, а я очень люблю дорогу.

Так вот о причине, по которой мы с Герцогом оказались за пятьсот с лишним километров от любимой нами Москвы, среди красивейших мест между реками Волхов и Мста, и приближаемся к искомому поселку с замысловатым названием.

У меня есть бабушка Лидия Архиповна, мама мама. Бабушку свою я люблю и даже тайно обожаю, не могу ей отказать ни в чем и стараюсь тщательно баловать.

Ей восемьдесят лет, и последние годы она сильно прибаливала, но крепилась, бодрилась, а вот полгода, как стала резко сдавать и два месяца назад совсем слегла.

Врачи уверяют, что надежда на улучшение есть, а бабуля отмахивается от их прогнозов:

— Да чего там... — недовольно бурчит она. — Я сама врач и получше их про свои болезни все знаю. Да и надоело болеть и болеть, чего задерживаться!

А третьего дня позвала меня для серьезного разговора.

— Васенька, просьба у меня к тебе, — с каким-то совсем уж строгим выражением лица, взяв меня за руку, сказала она, — отвези мое письмо одному человеку, получи ответ хоть письменно, хоть устно и привези мне. Я обязательно дождусь.

— Ба, ты что, умирать собралась? — возмутилась я.

— Собралась, внученька, — кивнула бабушка и посуровела: — И нечего слезы лить! Ничего в этом страшного нет, жизнь пострашнее будет! Да и всем свое время приходит! Или ты хочешь, чтобы я лежала и болями мучилась!

— Я хочу, чтобы ты была живая и здоровая!

— Я бы тоже не отказалась, — усмехнулась бабушка и снова стала торжественно-строгой. — Не отвлекай меня на ерунду, у меня не так много времени осталось. Слушай внимательно. У меня была закадычная, самая лучшая подруга с детства, Надя...

Она долго рассказывала, я слушала зачарованно, погрузившись в любви и страсти, дружбы и предательства, смертельные ситуации и спасения далеких дней, плакала, не замечая своих слез, и поражалась силе и красоте той жизни, которую они проживали молодыми.

— Почему ты никогда раньше об этом не рассказывала? — потрясенно прошептала я, когда она закончила.

— Не хотела ворошить прошлое, в котором чувствовала себя виноватой. Да и зачем вспоминать о своих ошибках!

— И ты ни разу не попыталась с ней встретиться, поговорить?

— Пыталась. Один раз, когда открылся этот обман. Но тогда все было свежо и больно, и она не захотела меня услышать и простить. — Бабушка помолчала, находясь там, далеко, в своем прошлом. — Я не хочу умирать, не попытавшись все объяснить ей.

— Ба, а если она... — Тут я споткнулась маленько, но вопрос закончила: — ...умерла уже?

— Нет, не умерла, — уверенно возразила бабуля. — Все эти годы я поддерживаю связь с несколькими своими односельчанами. Некоторые давно в город перебрались, а кто и остался. Так, пишем друг другу изредка, перезваниваемся когда-никогда, но про их жизнь и что там у нас происходило все эти годы я знаю. Вчера специально позвонила одной старой знакомой, узнала, что Надя жива, только переехала. Недалеко, в какой-то новый поселок, рядом со старым, на другом берегу реки. Ты знаешь, какие у нас там места замечательные! Красота, природа сказочная, немудрено, что новые поселки вырастают. Съезди, Васенька, исполни мою просьбу.

— Ба, ну ты чего? Разумеется!

— Вот письмо. — Она передала мне пухлый конверт из плотной почтовой бумаги, на котором большими четкими буквами были написаны адрес и имя получателя, и попросила как-то беспомощно, по-детски: — Ты ответа дождись, любого, не уезжай без ответа.